

ספר

Центр научных работников и преподавателей иудаики
в вузах "Сэфер"

Педагогический Центр Ваага

Межрегиональный Центр преподавания иврита

**Язык иврит:
исследование
и
преподавание**

Материалы Девятой Ежегодной международной
междисциплинарной конференции по иудаике

Москва 2002

УДК 811.411.16`08(063)

ББК 81.2Ивр

**Издание осуществлено при финансовой поддержке Американского
Еврейского Объединенного Распределительного Комитета (ДЖОЙНТ)
и
Фонда Л.А. Пинкуса по поддержке еврейского образования в диаспоре**

בסיוע הקרן לחינוך יהודי בתפוצות ע"ש ל' א' פינקוס, ישראל

**Published with the support of the American Jewish Joint
Distribution Committee (JDC)
and
the L. A. Pincus Fund for Jewish Education in the Diaspora, Israel**

**Общая редакция:
А.А. Крюков, Е.Б. Марьянчик**

ISBN 5-901683-63-3

© Центр научных работников и преподавателей
иудаики в вузах “Сэфер”, 2002
© Педагогический Центр Ваада, 2002
© Межрегиональный Центр преподавания иудаики, 2002
© Коллектив авторов, 2002

И. Н. Шпирко (Москва)

**К проблеме перевода на русский язык ивритских
топонимов и антропонимов**

Идею написания этой статьи автор вынашивал довольно долгое время, однако с началом "интифады Аль-Акса", а точнее, освещения последних драматических событий в ближневосточном регионе российскими средствами массовой информации, данная тема стала весьма актуальна.

К сожалению, порой приходится констатировать, что грамотность журналистов радио и телевидения при подаче материала оставляет желать лучшего. Так, если в советские времена образ Израиля-захватчика создавался искусственно по указанию "сверху", то теперь это порой происходит естественным путем, в силу профессиональной безграмотности журналистов. К примеру, послушав новости по нескольким каналам радио и телевидения, человек, неискушенный в израильской географии, может прийти к выводу, что израильские войска провели боевые операции сразу в нескольких населенных пунктах: Рамле, Рамáлле, Рамаллэ и Рамаллахе*. И если в первом случае название, относящееся к другому населенному пункту, употребляется в данном контексте ошибочно, то тройная произносительная норма одного и того же названия едва ли имеет право на существование в литературном языке, примером коего и должен являться язык дикторов и журналистов СМИ.

Из большого количества проанализированных современных орфографических и топонимических словарей только в словаре Ф. Л. Агеенко [1] автору статьи удалось обнаружить это проблемное название в виде "Рамаллáх" с ударением на последнем слоге. Учитывая этимологию топонима, а также общие правила заимствования в русский язык иностранных слов вообще и онимов в частности, когда фонетический аспект не всегда играет определяющую роль, можно было бы считать проблему решенной, но все же остается некое ощущение непоследовательности в случаях с географическими названиями. Действительно, почему бы не

*Еще один пример, уже несемитского происхождения, — англоязычные топонимы. Наиболее распространенными являются "Флóрида" и "Вóшингтон".

зафиксировать это слово в русском языке так, как оно произносится в Израиле, если в современный русский язык вносятся изменения для слова типа "Кыргызстан", "Беларусь" или "Алматы", противоречащих русской фонетике и орфографии?

Здесь уместно вспомнить слова К. И. Чуковского, писавшего в своей статье о переводах: "Переводчик должен передавать иностранное имя (например, название лица или города) не приблизительно, а со всею точностью, доступной для русской фонетики. Исключение делается только для тех имен, написание которых установлено давней традицией" [2]. Ниже мы еще раз вспомним эту цитату и продолжим ее, а пока хотелось бы резюмировать вышесказанное: экстралингвистические факторы, такие как, например, тенденции и особенности внешней и внутренней политики государства, не всегда оказывают положительное влияние на язык, внося путаницу в орфографическую и орфоэпическую норму, попирая при этом фонетические законы языка.

Перейдем непосредственно к вопросам художественного перевода, где мы неизбежно столкнемся с проблемой передачи имен собственных, прежде всего антропонимов и топонимов.

Вернемся к цитате Чуковского: "...что же касается тех имен, относительно которых не установилось традиций, то их надлежит передавать с наибольшей близостью к их подлинной национальной фонетической форме. Переводчик должен запечатлеть в переводе не то, как они пишутся, а то, как они произносятся. Одно и то же имя переводчик с немецкого должен писать Георг, переводчик с французского — Жорж, переводчик с английского — Джордж. Но тем не менее, благодаря традиции, английские короли должны по-прежнему именоваться в русских переводах Георгам, хотя англичане и называют их Джорджами" [2]. Это как нельзя лучше указывает нам, а заодно и журналистам, на то, что центральная улица в Иерусалиме должна по-русски называться все же не "Кинг Джордж", как автор настоящей статьи и сам с удовольствием называет ее в неформальной беседе, а именем Короля Георга V.

Начнем с географических названий, т. е. с топонимов. В отличие от иврита, где общее понятие является определяющим для согласования имен собственных в роде с другими частями речи (так, например, из-за того, что слова

"עיר" и "מדינה" женского рода, любой город и любая страна, независимо от рода и числа непосредственно топонима, будут женского рода), в русском языке ивритские топонимы усваиваются согласно законам заимствования, что весьма несложно, учитывая четкое деление всех ивритских топонимов на мужской и женский роды. Проблему может представлять только слово "מַצֵּדָה", имеющее мужской род в иврите, и ощущающееся как слово среднего рода в русском за счет "э" оборотного на конце слова.

Однако куда более серьезную проблему могут вызывать слова с древней историей и с установившейся христианской традицией перевода на русский язык. Для примера возьмем четвертое израильское море — озеро Киннерет. В древних литературных источниках оно именуется Галилейским морем или Геннисаретским озером. Геннисаретским оно называется по имени равнины, начинающейся на западном берегу озера. На картах чаще всего это озеро именуется Тивериадским, по имени расположенного на его берегах города Тверия. В Израиле озеро называют его древним именем "Иам Киннерет" ("יַם־הַקִּינֶרֶת"), происходящим от названия музыкального инструмента "киннор", нечто наподобие лиры или гуслей, а отнюдь не скрипки, как склонны объяснять название некоторые экскурсоводы, поскольку скрипку по форме озеро никак не напоминает. Принципиально важным, на наш взгляд, является удвоение "н" в слове, поскольку в иврите 'נ имеет "тяжелый дагеш", обусловленный словообразовательной моделью. К сожалению, автору не удалось найти ни одной современной российской русскоязычной карты Израиля, где количество топонимов было бы адекватно затронутой теме. Те же подробные карты Израиля, которые предлагаются в различных еврейских организациях, туристических фирмах и в Интернете, являются либо англоязычными, либо изданными в Израиле, с той фонетикой, которую хотели бы видеть израильтяне, — правильной или нет, в данном случае для нас неважно, коль скоро речь идет о *современном литературном русском языке*.

В чем же сложность перевода этого топонима? В том, что согласно евангельской традиции, Святой Петр и Иисус ловили рыбу именно в этом озере (или море). Описывая современный Север Израиля, мы без проблем назовем этот

водоем озером Киннерет, каковым он и является, при этом вполне можем упомянуть и три прочих его исторических названия: Геннисаретское, Галилейское и Тивериадское. А вот для того, чтобы правильно назвать его же при переводе исторического повествования, нам придется задуматься, не вступим ли мы в противоречие со сравнительно-исторической географией региона. Так же как, к примеру, Тильзитский мир не был заключен в городе Советск, так и вопрос, ловил Святой Петр названную его именем *голубую телятию* (она же – *мушт*) в озере Киннерет, Геннисаретском озере или в Галилейском море — дело вкуса и эрудиции переводчика.

С остальными топонимами библейского происхождения приблизительно такая же ситуация: едва ли мы станем в наши дни называть столицу Негева, современный город **Безр-Шева** (באר-שבט), один из крупнейших промышленных центров Израиля с населением 150 тыс. человек, Вирсавией. И наоборот, библейский топоним в греческой транскрипции однозначно будет восприниматься русскоязычным читателем как нечто архаичное, более естественное, нежели Безр-Шева. Своим именем Безр-Шева обязана¹ праотцу Аврааму, который вырыл здесь колодец, чтобы напоить стада своих овец. Легенда утверждает, что древний колодец, находящийся на перекрестке Хевронской дороги и улицы Керен Кайемет, вырыт руками Авраама. Именно у этого колодца Авраам заключил мир с Авимелехом, царем Герара. В книге "Бытие" говорится: "Он сказал: семь агниц сих возьми из руки моей, чтобы они были мне свидетельством, что я выкопал этот колодезь". Согласно этому договору Авраам получил разрешение пользоваться пастбищами и колодцами в стране Авимелеха (см. Быт 21:31) — в переводе может обозначать как "колодец клятвы", так и "колодец семи".

Нацерет (Нацрат)² — название Назарет закреплено христианской традицией.

¹ Обратите внимание на форму женского рода из-за окончания -а, что характерно для заимствований в русском языке, несмотря на то, что обе части названия города в оригинале – мужского рода; при этом не является определяющим и тот факт, что в иврите это словосочетание также потребовало бы согласования в женском роде.

² Нормативный иврит требует произносить "נָצְרַת" – "нацерат" (прим. ред.)

Бейт-Лехем (в русской традиции Вифлеем) — арабский город в Иудейских горах в 8 км к югу от Иерусалима. Неоднократно упоминается в Библии под различными названиями — Эфрат, Бет-Лехем-Эфрат, Бет-Лехем в Иудее (поскольку был Бет-Лехем и в Галилее) — также может писаться только в традиционном виде Вифлеем, поскольку в русском языке с этим названием неразрывно связаны евангельские ассоциации.

То же самое мы будем утверждать и относительно прочих географических названий Израиля, древнего и современного. Это касается названий исторических областей **Иудеи**, **Самарии** и **Галилеи**, а также многих других топонимов, знакомых русскоязычному читателю, коль скоро он является носителем литературного языка, получившего развитие в рамках христианской цивилизации. Даже будучи незнакомыми, они легко найдутся в других источниках, но лишь в транскрипции, принятой в русском языке — и в этом случае главная задача переводчика будет выполнена. Если же существует объективная необходимость употребления нетрадиционных названий в тексте русского перевода, переводчик обязан дать сноску с закрепленным традицией переводом.

Город **Кирьят-Шмона**, имеющий уже современное название, хоть и созвучное с библейским **Кириаф-Арба**, различий иметь не может, поскольку в ином виде нигде не зафиксирован. Единственная проблема заключается в неправильном произнесении (и написании) названия самими израильтянами, превращающими "поселение (имени) восьмерых" в "поселок номер восемь" из-за путаницы в роде имени числительного — *шмонэ* вместо *шмона* (город назван в честь восьми павших защитников поселения Тель-Хай, находящегося рядом с Кирьят Шмона, по дороге на Метулу).

Нетания была основана в 1929 году как центр цитрусоводства, бурно развивавшегося в Шаронской долине. Город назван в честь американского филантропа Натана Штрауса, миллионера, в надежде, что он пожертвует часть своих денег на развитие города, но, по-видимому, это богача не тронуло. *Нетания* — довольно часто встречающаяся орфографическая и орфоэпическая ошибка при заимствовании этого топонима в русский язык, связанная с незнанием фонетических процессов иврита.

Исторически сложилось так, что большинство ивритских топонимов и антропонимов вошло в русский язык благодаря христианству. Путь их был нелегким, окольным, а потому можно отчасти понять недовольство проивритски настроенных переводчиков, считающих транскрипцию ивритских названий и имен через призму греческого и старославянского языков неверной. Практически все антропонимы и топонимы библейского происхождения отличаются от оригинала по звучанию, более того, можно вспомнить забавный казус с **Бат-Шевой**, которую по незнанию или по созвучию перепутали с **Безр-Шевой** и перевели как *Вирсавию* (2 Цар 11:3), но за употреблением этих имен в таком виде стоит сложившаяся веками традиция, а пренебрегать этим при переводе никак нельзя. Какие же основные отличия в произношении и написании были в греческом языке?

Ввиду того, что в древнегреческом языке не было звука "ш", в Септуагинте этот согласный передается через букву "сигма" (звук "с"), поэтому в русский язык библейские имена и названия входят, претерпев ряд фонетических и морфологических изменений:

Иерусалим	יְרוּשָׁלַיִם
Соломон	שְׁלֹמֹה
Саул	שָׂאוּל
Иисус	יֵשׁוּעַ

В Септуагинте ивритский 'ת записывался при помощи буквы "тета", что в те времена, очевидно, вполне соответствовало его фонетике без "дагеша". Однако во время создания церковнославянского перевода Библии "тета" и "фита" уже не различались в произношении, поэтому в традиции закреплены следующие онимы [3]:

Вифлеем	בֵּית-לְחֶם
Голиаф	גִּלְיָת
Кириаф-Арба	קִרְיַת-אַרְבַּע
Саваоф	צְבָאוֹת
Голгофа	גִּלְגֹּתָא
Левиафан	לוֹוִיָּתָן

Немаловажным при переводе является вопрос, кому предназначается переводимый текст и с какой целью осуществляется перевод. Это, так сказать, идеологический аспект перевода. К сожалению, долгое время художественный перевод с иврита оставался чисто эмпирической областью филологии, когда переводами занимались зачастую люди, весьма ограниченно разбиравшиеся в иврите, русском языке и в литературе. Поэтому многие имеющиеся на сегодняшний день тексты, переведенные с иврита на русский, могут представлять интерес не столько для лингвистики, сколько для культурологии, социологии или истории. Несмотря на то, что специальных исследований на эту тему не проводилось, можно предположить следующее: с началом большой волны репатриации из СССР в переводах художественной литературы наметилась четкая тенденция к употреблению как можно большего количества гебраизмов, порой совершенно необоснованная с точки зрения русского языка. Однако, с идеологической точки зрения, этот факт вполне закономерен и обоснован: в страну, которая только-только (по историческим меркам) начинает складывать хотя бы некоторое подобие государственной и культурной идеологии, попадает огромное количество ассимилированных, крещеных евреев, полукровок, часто даже нееврейских родственников. Для того, чтобы хоть как-то вернуть репатриантов из бывшего СССР если не в лоно иудаизма, то хотя бы в лоно еврейской культуры и традиции, и стали создаваться подобные переводы с целью приучить "русских" к ивриту. Пикники с шашлыком в Судный день и новогодние елки на 1 января ясно указывают на то, что идея де-ассимиляции особого успеха не имела, зато как результат таких филологических ухищрений страна получила "новояз" — пиджин-иврит, на котором общается между собою большинство наших бывших соотечественников (подробнее об этом см. в настоящем сборнике статью А.Крюкова "Феномен "нового иврита" в Израиле". — прим. ред.).

К этой же кампании за постепенное возрождение в "русских" евреев национального самосознания посредством псевдорусского языка примыкает школа религиозных переводчиков-дехристианизаторов. Здесь можно выделить и еще один немаловажный компонент, как неофитство. Первыми приехавшими в Израиль и начавшими работу по переводу религиозных текстов были так называемые

"раскаившиеся, вернувшиеся к иудаизму", а как известно, любой новообращенный католик пытается стать более святым, чем сам Папа Римский. Неизвестно, много ли святости удалось им обрести подобным образом, но вот Ирода переиродить (или *Хордоса* в данном случае), кажется, им удалось.

Взять, к примеру, весьма почитаемый ортодоксально настроенными русскоязычными иудеями перевод Пятикнижия в исполнении Давида Йосифона. Этот перевод Пятикнижия на русский язык выполнен непосредственно с древнееврейского, без влияния греческой Септуагинты и латинской вульгаты, и что-то, безусловно, окажется в нем переведено точнее, нежели в Синодальном переводе Библии, испытавшем влияние греческого и старославянского языков, а также идеологический ценз в угоду догматам христианства. Но русский ли язык встречаем мы, открыв наугад любую страницу? То, что происходит с именами и географическим названиями, не поддается никакой критике. Так, согласно фонетической трактовке иврита применительно к русскому языку этим переводчиком, читателю ничего не остается, как разве что смириться с тем, что Эдемский сад на самом деле был Эйдейнским, приучиться впредь говорить "Ноахов ковчег", а иврит относить к "шэймитской" языковой семье (также можно заодно говорить об "*антишэймитизме*"). Далее мы встречаем **Сыдом** и **Амору**, а также степи Моавитские, которые у **Ярдэйна**, возле **Йырихо**. В последнем слове сочетание первых двух звуков является исключительно чуждым для русского языка. Синтаксис, грамматика и стиль русского языка в переводе Давида Йосифона — тема отдельного и весьма долгого исследования. Возможно, библеистика оценивает этот труд как-то иначе, мы же могли бы охарактеризовать его лишь как *дословный подстрочный перевод с нарушением фонетических правил русского языка*. Тем не менее, у автора есть большое число последователей, стремящихся "исправить" русский язык, превратив *доброто самаритянина* в *хорошего жителя Шомрона*, назвав Вифлеем Бет-Лехемом, а Назарет — Нацратом. Все отмеченное не является традиционным для перевода на русский язык, а традиция, по авторитетному мнению Чуковского, которого автор статьи склонен придерживаться, — вещь незыблемая при передаче иноязычных имен в тексте русского перевода.

Теперь, когда мы выявили некоторые причины разночтения имен и топонимов, можно немного поговорить о их транскрипции в текстах переводов. Позволим себе не соглашаться с Лоуренсом Аравийским, считавшим вздором передачу имен одного языка за счет звуков другого, неродственного ему, и намеренно писавшим одно и то же имя по-разному. Конечно, разночтения в данном случае неизбежны, однако наша задача — постараться проанализировать возможные пути транскрипции и свести эту дискретность к минимуму.

С точки зрения фонетики, передача ивритских имен в русском тексте не представляет особой проблемы, кроме нескольких случаев, но и они при тщательном изучении также оказываются вполне разрешимыми. Итак, рассмотрим самый "проблемный" звук, существующий, в принципе, в русском языке, но не имеющий самостоятельной графемы, — это звук, передаваемый на иврите буквой 'ח. По правилам современной фонетики иврита допускается двоякая произносительная норма этого звука: либо фарингальный фрикативный "г", наподобие украинского, либо легкий, на выдохе "х", как в английском языке, иногда и вовсе игнорируемый носителями языка при артикуляции. Ввиду того, что специальной графемы для обозначения этого звука в русском языке не существует, различные переводы содержат разные способы передачи 'ח в русском тексте. Это могут быть "г" с тильдой, "х" с тильдой, "г" или "х" с точкой под или над буквой, а также латинская буква "h", введенная в слово, записанное кириллицей. Можно признать право на существование за такими способами, однако необходимо осознавать, что подобная графика допустима лишь в текстах узконаправленных, там, где совершенно принципиальным является выделение звука буквы 'ח при помощи нехарактерных для современного литературного русского языка обозначений (к примеру, в научных трудах по гебраистике, в учебных пособиях, словарях, разговорниках, литургической литературе и т. п.). Поэтому вопиющим нарушением правил орфографии является использование вышеупомянутых приемов в текстах переводов художественных произведений, которые издаются с расчетом на русскоязычного читателя в России. Мы помним про идеологический аспект создания многих переводов, однако нельзя забывать и о том, что первейшей задачей переводчика литературного текста является передача смысла произведения,

идей автора, а не обучение читателя фонетике оригинала.

Итак, какие же примеры мы можем рассмотреть в данном случае? Прежде всего, хотелось бы вспомнить не связанное непосредственно с переводом из иврита, но при этом безусловно ивритское по происхождению, имя Иешуа Га-Ноцри из знаменитого произведения М. А. Булгакова. Как видим, здесь артикль передан через букву "г", и этот случай можно считать уже зафиксированным в русской литературе. Контрпример — название тель-авивской футбольной команды "Хапоэль", часто упоминавшееся и в печати, и по телевидению, в котором артикль записан не через дефис, что, в принципе, также может вполне иметь место в русском переводе ввиду слитного написания артикля со словом на иврите, однако в данном случае автор склонен усматривать возможность заимствования названия клуба из английского написания как **"Hapoel"**. Еще одну аналогию с заимствованиями из германских языков можно провести в пользу транскрипции 'ג как "г", вспомнив имена Генри, Герберт, Говард, Генрих, однако и здесь возникнут контрпримеры Хиллари, Хэллоуин, Холокост. Можно лишь предположить, что первый ряд примеров принадлежит к более раннему периоду, когда существовала тенденция передавать европейское "х" в абсолютной позиции как "г" в русском языке, в пользу чего говорит и написание "Голокост" в ранних самиздатовских книгах, когда это слово еще не было закреплено в литературной норме русского языка. Более поздние заимствования тяготеют больше к "х", что, скорее всего, является более правильным, поскольку точнее передает звучание слов на языке оригинала, то же касается и интересующих нас заимствований из современного иврита — большая часть носителей языка все же склонна мягко произносить этот звук, ближе к "х". Поэтому переводчики и русскоязычные журналисты, называющие израильскую армию "Цахал", окажутся более правыми с точки зрения фонетики.

Отталкиваясь от последнего примера, можно вкратце упомянуть "חברת" — "аббревиатуры", либо же акронимы, — весьма распространенные в иврите и употребляемые на уровне имен собственных. Способ образования их весьма прост: преимущественно это первые буквы сложного понятия, записанные вместе и огласованные, как правило, при помощи звука "а", так что они образуют как бы самостоятельное слово,

напоминанием же о сокращении служит двойной апостроф ("גרשיים") перед последней буквой сокращения (существуют и другие способы сокращения, но о них отдельно мы говорить не будем).

Приведем примеры из наиболее часто встречающихся в русскоязычных изданиях: Танах, Рамбам, Цахал. В случае с этими словами также можно обнаружить различные способы передачи их на письме: "ТаНа"Х", что является принципиально наиболее верным, но опять же, такой способ написания подходит лишь для специализированной литературы. "ТА-НАХ", представляющийся не совсем точным, поскольку гласные в данной аббревиатуре не являются ее составляющими (ср. в русском МВД, ФРГ, ЛДПР, но ГАИ, АОЗТ, ОАО) и "Танах", каковое, на наш взгляд, является наиболее приемлемым с формальной и функциональной точек зрения для употребления в текстах русскоязычных переводов. То же самое относится и к словам "Цахал" и Рамбам, последнее часто используется вместо имени Маймонид, при этом все вышеупомянутые слова будут отнесены в русском языке к склоняемым существительным мужского рода с соответствующей парадигмой. Нелишним будет комментарий переводчика, расшифровывающий сложносокращенное понятие для читателя.

Что касается проблемы перевода антропонимов, то все вышесказанное о топонимах будет в равной степени справедливо и для имен людей. Вспоминая выведенный К. И. Чуковским принцип передачи имен, можно заключить следующее:

- 1) имена, употребление которых связано с давней традицией, в нашем случае — имена библейского происхождения в библейском или новозаветном контекстах, — должны писаться и произноситься в соответствии со сложившейся традицией, предпочтительно из Синодального перевода Библии и Нового Завета;
- 2) имена, имеющие еврейское (библейское) происхождение, вошедшие в церковный русский именник, должны употребляться в том виде, в котором они зафиксированы в ономастических словарях, именниках, святцах и т. п. (Вениамин, Даниил/Данила, Гавриил/Гаврила, Захар, Иван, Илья, Иосиф/Осип, Михаил, Моисей, Семен, Яков, Анна, Елизавета, Мария, Тамара). От этих имен, рассматриваемых как традиционные русские, происходят распространенные ис-

конно русские фамилии, в которых носители языка едва ли склонны усматривать еврейское происхождение;

- 3) современные ивритские имена, совпадающие или нет с зафиксированными в традиции, должны передаваться максимально точно с фонетической точки зрения как можно ближе к их звучанию в современном иврите. Так, например, следует писать: Элизер бен-Йегуда, но при этом в русском языке будут существовать также Иуда Искарriot и Иудейская пустыня (в основе всех трех на иврите лежит слово "לְיָהוּדָה"). Или же, пророк Самуил, Иосиф сын Иакова, но Шмуэль Йосеф Аггон; законоучитель пророк Моисей, но Моше Даян; Царь Соломон, но Шломо Арци.

Подводя итог нашему небольшому исследованию в области проблем перевода на русский язык ивритских антропонимов и топонимов, можно констатировать следующее: определенные сложности выбора существуют и едва ли можно вывести и четко сформулировать однозначные правила заимствования ивритских онимов русским языком. В конечном счете, каждый переводчик руководствуется своими знаниями и представлениями о фонетике двух языков. Однако на сегодняшний день у нас в запасе имеется достаточно материала для анализа, чтобы отменить маргинальные варианты перевода и брать пример с наилучших, передающих идею оригинала, сохраняя атмосферу подлинника, не искажая при этом русский язык. Также хотелось бы выразить надежду, что когда-нибудь Институт русского языка РАН станет уделять больше внимания унификации правописания ивритских заимствований в русском языке.

Библиография

1. Агеенко Ф. Л. Словарь имен собственных, – М.: Энас, 2001. (Web-версия).
2. Чуковский К. И. Переводы прозаические // Принципы художественного перевода. Статьи Ф. Батюшкова, К. Чуковского, Н. Гумилева. – Петербург: Государственное издательство, 1920. С. 33–34.
3. Гури И. Иврит и русский: языки далекие и близкие // Очерки истории иврита. – Т.-А.: Иврус, 2000. С. 86.

Об авторах

Ваксман Татьяна Викторовна, аспирантка ГКА им. Маймонида.

Вайнштейн Александр Исаакович, зав. кафедрой иврита Академии "Туро"; доцент ГКА им. Маймонида, преподаватель ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Друскинас Залманас Ицикович, ст. преподаватель ГКА им. Маймонида, преподаватель иврита ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова и Еврейского университета в Москве.

Дубова Ольга Львовна, доцент ГКА им. Маймонида; преподаватель ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Едовичукий Михаэль (ד"ר מיכאל ידוביץקי), Ph.D., директор отдела языка, культуры, высшего образования и искусства по СНГ и Восточной Европе департамента образования Еврейского Агентства для Израиля.

Зыскин Игорь Владимирович, ст. преподаватель ГКА им. Маймонида, преподаватель ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Княжицкий Игорь Аркадьевич, старший преподаватель ГКА им. Маймонида, преподаватель иврита ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Колода Светлана Александровна, преподаватель иврита Горловского педагогического университета (г. Горловка Донецкой области, Украина)

Крюков Александр Александрович, к. и. н., доцент ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова, зав. кафедрой иврита Еврейского университета в Москве.

Марьянчик Евгений Борисович, к. т. н., доцент, зав. кафедрой иврита ГКА им. Маймонида; зам. зав. кафедрой еврейских языков ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Пашаева Зарифа Эльхановна, преподаватель иврита Еврейского университета в Москве.

Свет Марианна Викторовна, преподаватель ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Токаренко Татьяна Александровна, преподаватель иврита Еврейского университета в Москве.

Тутельман Софья Михайловна, преподаватель иврита ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Флиштов Сергей Михайлович, аспирант ГКА им. Маймонида; преподаватель иврита ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Френкель Лия Менделевна, преподаватель иврита еврейского педагогического колледжа "Махон Хая Мушка".

Шибанова Татьяна Валериевна, преподаватель иврита Еврейского университета в Москве.

Шор Лариса Давидовна, доцент ГКА им. Маймонида; преподаватель ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Шпекторова Наталия Ивановна, преподаватель иврита ГКА им. Маймонида и Еврейского Университета в Москве.

Шпирко Илья Николаевич, аспирант ГКА им. Маймонида; преподаватель ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова и Еврейского университета в Москве.